

охватить свадебный материал сразу многих областей, очевидно, побудили авторов прибегнуть к дробной подаче большей части материала в ущерб целостной картине свадебного обряда ряда районов (принцип, апробированный в издании [Традиционные обряды 1985]). Однако, в отличие от упомянутой публикации, составители «Русской свадьбы» сумели найти компромиссный выход. Наиболее подробно записанные ритуальные комплексы в начале издания приводятся целиком, а фрагментарные записи вербальных и музыкальных текстов, которые распределены по специальным разделам (этапам свадебного обряда), снабжены пояснениями о приуроченности. И всё же иногда трудно составить объективное представление не только о настоящей сохранности обряда в каждом населенном пункте, фигурирующем в указателе мест записи, но часто и о самом обряде в целом.

Для меня, например, особый интерес представляет костромской материал. В этом издании я нахожу тринадцать образцов разных жанров из трех районов Костромской обл. (семь — из четырех населенных пунктов Чухломского, пять — из трех деревень Вохомского и один — из Пыщугского районов). Но из тринадцати помещенных поэтических текстов восемь сопровождаются нотациями сольных записей, хотя свадебные причитания и тем более свадебные песни в тех краях имели ансамблевую традицию исполнения. По этим данным, конечно, нельзя составить даже очень поверхностное представление о костромской свадьбе, тем более что образцы взяты из «крайних» точек костромского региона. Правда, составители и не ставили перед собой такой цели, а с задачей дать общее представление, познакомить с лучшими подлинными записями широкий круг специалистов и любителей, а также «привлечь внимание читателя к отличительным, характерным чертам обряда и обрядового репертуара», успешно справились.

Действительно, пока у нас нет достаточного количества объективных и достоверных данных, позволяющих сделать полноценные обобщения и систематизацию русского свадебного обряда по всем локальным традициям, поэтому ценность данной публикации несомненна. Прежде всего, она открывает для исследователей и исполнителей огромный фактический материал, большая часть которого до настоящего времени лежала «в закромах». И в этом, безусловно, огромная заслуга собирателей, исследователей и составителей, подготовивших его для публикации.

Литература

Ефименкова 1988 — Ефименкова Б.Б. Свадебные песни и причитания как один из кодов обряда // Фольклор: проблемы сохранения, изучения, пропаганды: Тез. докл. Всесоюзной науч.-практ. конф. В 2-х ч. Ч. 1. М., 1988. С. 152—154.

Зеленин 1991 — Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991.

Традиционные обряды 1985 — Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / Сост. Г.Г. Шаповалова и Л.С. Лаврентьева; под ред. Б.Н. Путилова. Л.: Наука, 1985. С. 79—297.

Круглый стол

ЗАГОВОРНЫЙ ТЕКСТ: ГЕНЕЗИС И СТРУКТУРА

3 декабря 2002 г. отдел типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН провел круглый стол, посвященный актуальной и востребованной в последнее время проблеме — генезису и структуре заговорного текста. Со вступительным словом выступил академик В.Н. Топоров. Он отметил, что в послереволюционный период заговоры оказались в числе «запретных» тем, и только в последние десятилетия интерес к ним возродился. Будучи одним из наиболее архаичных жанров фольклора, заговор предоставляет исследователю ценнейший материал для изучения мировоззрения древнего человека. В основе заговора лежит идея пути из мира заклинателя в сакральный центр пространства, где происходит решение главных вопросов бытия (жизни / смерти, здоровья, благополучия). В русских заговорах, в частности, в их именослове, четко прослеживаются отклики древнейших реконструируемых текстов (древнеиранских, месопотамских). Перед исследователем заговоров стоит множество еще не решенных задач: например, не до конца прояснен вопрос о том, каким образом в заговоре большой мир, макрокосм, описывается через микрокосм, малый мир человека. В заключение В.Н. Топоров коснулся проблемы времени в заговоре. Он отметил, что в отличие от сложной архаичной пространственной структуры, временная составляющая заговорного текста значительно редуцирована и часто выносится в «контекст» заговора.

В выступлениях по докладу В.Л. Кляус отметил, что интерес к жанру заговоров, возникший особенно в 1990-е гг., привел к появлению огромного количества публикаций текстов (около 14 000 только русских заговоров) и целого ряда диссертаций, посвященных различным аспектам данной темы.

В докладе «Магические ритмы и инерционная грамматика заговора» С.М. Толстая обратилась к вопросам языка заговора, напрямую связанным с общими принципами построения заговорного текста. Она напомнила, что заговор является сложной многоярусной структурой. Организирующим началом на различных ее уровнях (начиная от фонетического и кончая семантическим) выступает ритм, то есть упорядоченное чередование и повторение определенных элементов (ал-

литерации, рифм, грамматических форм, словообразовательных и синтаксических моделей, лексических повторов и других, более общих текстовых структур). Ритмы разных уровней органично слагаются вместе, усиливая этим заклинательный эффект магического текста. Они образуют общую ритмическую структуру и порождают «инерцию» текста, под воздействием которой возникает множество специфических для заговорного текста слов, словоформ, конструкций, аномальных для общего языка. Механизм «инерции» действует на различных языковых уровнях: на уровне словообразования («... Дарьи, да Марьи, да Ульяньи»), словоизменения («... с тридцатью костями, с тридцатью мостями, с девяносто суставов»), глагольного управления («... не спать бы ей, не заспать бы ей меня, не ходить бы ей, не заходить бы ей меня») и др. К классу явлений, обусловленных действием ритмической инерции, было отнесено явление тавтологии, или *figura ethnologica* («сквозной корень»), характерного для поэтики фольклора в целом и заговоров в частности. Причем под «тавтологией» следует понимать не только повторы корня («дни днєвать», «ночи ночевать», «крепко укрепил», «твердо утвердил»), но и повторы аффиксальных морфем («пересудную, передумную, переговорную»), «нанизывание» синонимов («ограждает и огораживает», «тужила и тосковала»), повторы однотипных синтаксических конструкций. В заключение С.М. Толстая отметила, что далеко не все аномальные явления в языке заговора могут быть объяснены влиянием ритмической структуры. Инерция — лишь один из многих механизмов, участвующих в организации заговорного текста, внутренне связанных с его прагматическими и магическими функциями.

А.А. Гиппиус в своем докладе предпринял попытку расследования некоторых проблем именослова заговоров. Он привел несколько текстов берестяных грамот, где упоминается неканонический архангел Сихаил, и сопоставил их с другими текстами, в которых он фигурирует (в частности, с текстом Сисиниевой легенды), а также с некоторыми иконографическими изображениями этого архангела. Этимологического объяснения имя «Сихаил» не имеет. По-видимому, оно возникает еще на иудейской почве как десакрализирующее замещение имени Михаил путем субституции начального согласного (ср. Савриил — Гавриил). В христианской традиции подобная замена согласных имела совершенно противоположный результат: расподобляясь с именем «Михаил», «Сихаил» начинает ассоциироваться с мо-

нограммой имени Иисуса Христа (начальные буквы в слове «Сихаил» образуют его анаграмму), что сообщает этому имени сверхсакральность. Этот факт позволяет объяснить особое положение Сихаила среди других неканонических архангелов. Высказанную гипотезу подтверждает также графическое расположение текста в берестяной грамоте: трижды повторенное имя «Сихаил» как бы продолжает инициалы имени Иисуса Христа. Анаграмма имени Христа заключается и в словосочетании «истинный Христос», свойственном русским заговорным текстам.

С докладом, посвященным древнескельским заговорам, выступила Т.А. Михайлова. Она обратила внимание на фрагмент саги «Приключение Коннлы», в котором упоминаются «заклинания женщин», противопоставленные «заклинаниям друидов». В одном из ранних ирландских поэтических оберегов, датированном VIII в., среди сил, от которых заговаривающий хочет защититься, также встречаются «заклинания женщин». Исследовательница обращает внимание на форму генетива множественного числа «женщин», которая употребляется здесь в качестве несогласованного определения — «женские чары». Видимо, речь идет о какой-то специфической женской магии. Эти данные подкрепляются текстами галльских надписей на свинцовых табличках, найденных в могильниках. Надписи эти, очевидно, направлены против женской магии, в них содержится перечисление длинного ряда женских имен, от злых чар которых заклинатель просил нижних богов его защитить. Причем женщины называются по именам своих родственников — матерей или мужей. Любопытно, что упоминаемые имена мужчин совпадают с клеймами гончаров селения, где была самая большая в Галлии гончарная мастерская. Это было подтверждено путем сравнения надписей на табличках с археологическими данными.

Е.Е. Левкиевская проанализировала некоторые особенности прагматики апотропеического заговора. Она рассмотрела заговор как вид речевой деятельности, выделив при этом в качестве основной задачи исследователя выявление речевого замысла говорящего (иллокутивной цели). Специфика заговора такова, что в нем присутствуют так называемые «косвенные» речевые акты: произносимый текст не всегда соответствует цели, с которой он произносится. При этом все косвенные речевые акты в заговорах конвенционально обусловлены и не зависят от воли отправителя текста. Иллокутивная цель текста выражается рядом лексических и грамматических

средств внутри высказывания. Заговор, как правило, содержит несколько речевых актов с различными иллокутивными целями и составом участников, при этом общая иллокутивная цель заговора складывается на их пересечении. Проанализировав различные апотропеические заговоры, исследовательница выделила наиболее характерные для них типы сочетаний речевых актов. Она приходит к выводу, что текст заговора включает в себя два параллельных ряда — сакральный, обеспечивающий защиту, и реальный, нуждающийся в защите. Заговорный текст строится таким образом, чтобы обеспечить «пересечение» между этими рядами: земной мир как бы включается в область сакрального и тем самым на него переносятся свойства сакрального мира. Для достижения этой цели используются мольба, обращение к высшим покровителям, упоминание их имен, декларация их покровительства, рассказ о сакральной ситуации и ряд других средств.

Проблема взаимовлияний заговорных традиций на балто-славянском пограничье поднималась в докладе *М.В. Завьяловой*. Исследовательница сопоставила русские, белорусские, польские и литовские тексты заговоров, что позволило ей выделить некое «ядро», то общее, что объединяет все традиции. Прежде всего это совокупность магических принципов, на которых строится заговор (устранение и отсылка болезни, сравнение объектов, близких по функциям и признакам, обращение за помощью к могущественным помощникам). Далее *М.В. Завьялова* дала характеристику заговорных текстов, типичных для каждой из традиций. Восточнославянские заговоры отличаются чертами эпического нарратива, поэтичностью описаний. Западнославянские (польские) — тяготеют к более краткой, рифмованной структуре, сохраняя при этом эпическую направленность. Литовские заговоры стоят особняком: эпический компонент в них развит слабо, преобладают краткие тексты заклинательного типа. Интересные данные дает анализ географии заговорных сюжетов, свойственных различным традициям: оказывается, многие ареалы бытования того или иного сюжета могут совпадать с ареалами распространения конфессиональных традиций. Докладчица также проанализировала устойчивые заговорные клише, формулы зачина и закрепки, свойственные той или иной традиции, выявила случаи их заимствования из одной традиции в другую. Она сделала вывод, что из всех рассмотренных традиций, литовская оказывает-

ся наиболее открытой для заимствований. Это, очевидно, обусловлено историческими факторами. В качестве отдельной проблемы, требующей дальнейшего исследования, докладчица выделила анализ заговорных текстов обособленных языковых групп (например, русских старообрядцев в Литве).

Доклад *М.В. Завьяловой* вызвал интересную дискуссию. В частности, был поставлен вопрос, каким образом на пограничной территории взаимодействуют разноязычные заговоры? Пользуется ли двуязычное население теми и другими, разграничивает ли их? Докладчица ответила, что на территориях, где живет двуязычное и трехязычное население, тексты часто используются попеременно. Иногда люди говорят на одном языке, а текст читают на другом. Заговор может читаться на родном языке; на чужом (порой заговор на чужом языке считается более действенным); на одном, а потом на другом; наконец, при чтении заговора языки могут смешиваться.

В заключение *В.Л. Кляус* продемонстрировал две видеозаписи, сделанные им в с. Урлук Красночичкойского р-на Читинской обл. от знахарки Анастасии Михайловны Андреевой (1908 — 2002) в разные годы. Они представляют исполнение одного и того же заговора. Видеозаписи, которые исследователь сравнивает с вариантом того же заговора, зафиксированным обычным путем (со слуха), позволили ему сделать некоторые выводы о вариативности заговорного текста, выделить его устойчивые и изменяющиеся элементы, проследить, каким образом совершение всего обряда в целом зависит от конкретной ситуации, в которой происходит заговорно-заклинательный обряд.

Из-за ограниченности во времени в рамках круглого стола прозвучало всего шесть докладов, хотя в работе над подготовкой данной темы приняли участие многие исследователи (*Т.А. Агапкина, Е.В. Вельмезова, С.Е. Никитина, Т.Н. Свешникова, И.А. Седакова, О.В. Трефилова, А.Л. Топорков, Т.В. Цивьян, Т.В. Топорова*). Тезисы всех докладов, как состоявшихся, так и только заявленных, были опубликованы (исключение представляет доклад *А.А. Гиппиуса*, не вошедший в сборник)¹.

Материал подготовлен
М.В. ЯСИНСКОЙ
(Москва).

¹ Заговорный текст. генезис и структура. Материалы круглого стола. М., 2002. 108 с.